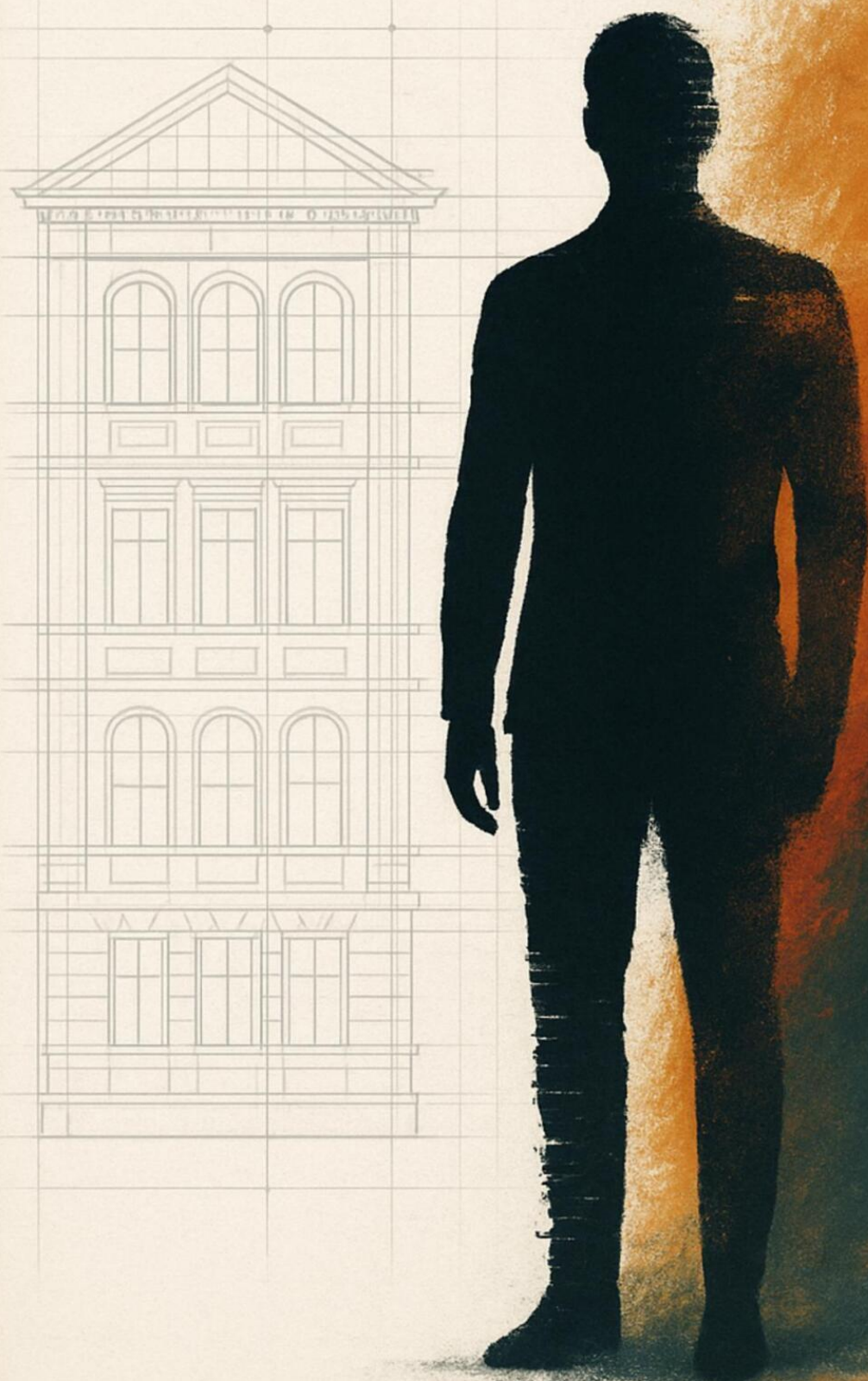


ДАНИЭЛЬ КИРШТЕЙН

ПРАВО НА КРИВИЗНУ



Даниэль Кирштейн
Право на кривизну

«Автор»

2025

Кирштейн Д.

Право на кривизну / Д. Кирштейн — «Автор», 2025

Что, если вся ваша жизнь — идеально реализованный чужой проект? Кирилл — успешный архитектор. Его мир выверен до миллиметра, подчинен логике и безупречному порядку. Дорогая квартира, престижная работа, стабильные отношения — его жизнь похожа на идеальный чертеж, где нет места ошибкам и случайностям. Он — воплощение мечты о современном, состоявшемся мужчине. Но однажды эта безупречная конструкция дает трещину. Один телефонный звонок запускает цепную реакцию, которая разрушает все: смерть отца, которую он не может оплакать, и уход любимой женщины со словами: «За твоим идеальным фасадом — пустота». Оставшись на руинах собственной жизни, Кирилл вынужден отправиться в самое страшное путешествие — вглубь себя. Туда, где под слоями перфекционизма и «синдрома хорошего мальчика» похоронена давняя детская травма. Туда, где ему предстоит встретиться с собственным гневом, научиться отличать свои желания от чужих и понять, можно ли на выжженной земле построить что-то живое.

© Кирштейн Д., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Чертеж тишины	5
Разбитое зеркало	12
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Даниэль Кириштейн

Право на кривизну

Чертеж тишины

Будильник не кричал, он восходил. Это была не команда к пробуждению, а скорее приглашение к инициации дневного протокола. Запрограммированный на плавный пятиминутный крещендо, звук начинался с едва уловимого инфразвукового гула, похожего на дыхание спящего механизма, и постепенно, с математической точностью, набирал высоту и чистоту тона, лишённого всякой паники или раздражающей трели. Кирилл никогда не дожидался финала. Его внутренние часы, откалиброванные с точностью атомного эталона, срабатывали на отметке в три минуты и пятнадцать секунд. Глаза открывались в выверенный полумрак, где единственным источником света была бледно-голубая полоса на горизонте. 6:00. Система активирована. Сбоев нет.

Он лежал на идеально натянутой простыне из египетского хлопка с плотностью плетения в 800 нитей – не потому, что это было роскошно, а потому, что это был оптимальный параметр для терморегуляции. Его квартира была не домом, а манифестом контроля над хаосом, демилитаризованной зоной, очищенной от случайностей. Лофт в бывшем здании конструкторского бюро, который он не просто отремонтировал, а полностью пересобрал по собственным чертежам, доведя до состояния архитектурного абсолюта. Ничего лишнего. Лишнее – это ложь, визуальный шум, погрешность в уравнении идеальной жизни.

Холодный, почти медицинский свет, льющийся сквозь панорамное окно от пола до потолка, отражался от глади полированного микроцемента на полу и находил приглушенный отклик в матовой нержавеющей стали кухонного острова. Белоснежные стены не были осквернены ни картинами, ни фотографиями; их единственным украшением были тени, меняющие свою геометрию в зависимости от положения солнца. Любой предмет, нарушавший выверенную сетку координат этого пространства – забытый на столешнице нож, небрежно брошенная на стул одежда – воспринимался им не как бытовой беспорядок, а как системная ошибка, структурный дефект, требующий немедленной отладки. Эта стерильность не угнетала его, напротив – она была его убежищем, его терапией. Она была ежедневным, ежечасным доказательством того, что мир поддается упорядочиванию, если приложить достаточно воли и исключить человеческий фактор.

Босые ступни коснулись прохладной, гладкой поверхности пола. Привычное, заземляющее ощущение, сбрасывающее остатки сна. Алгоритм утра был отработан до автоматизма, до мышечной памяти. Душ. Смеситель с термостатом, настроенным на 38.5 градусов. Никаких компромиссов. Вода, падающая из широкой лейки, была не удовольствием, а калибровкой сенсоров, системным сбросом. Зубная щетка с ультразвуковой вибрацией, совершающая ровно сорок тысяч колебаний в минуту. Одежда – всегда вариации на тему несуществующего выбора: черные джинсы из японского денима, серая или черная футболка из перуанского хлопка пима, кашемировый свитер. Он смотрел на людей, мучающихся по утрам с выбором гардероба, как на неэффективный расход процессорной мощности.

Кофе. Это был не напиток, а священнодействие, его личная утренняя месса. Девятнадцать целых и две десятых грамма свежесмолотой арабики из региона Иргачефф в Эфиопии, помол откалиброван под текущую влажность воздуха. Весы с точностью до сотой грамма. Пролит очищенной воды температурой ровно 87 градусов из чайника с узким носиком в течение 24 секунд. Он следил за стрелкой манометра на своей эспрессо-машине с той же напряженной сосредоточенностью, с какой проверял расчеты армирования несущих конструкций. Это была

его ежедневная победа над энтропией. Любое отклонение – и кислотно-щелочной баланс нарушен, экстракция неполная, результат бракован. Напиток безжалостно выливался в раковину, и ритуал начинался заново. Сегодня все прошло по протоколу. Горький шоколад, ноты бергамота, легкое цветочное послевкусие. Идеально. Контрольный образец соответствовал эталону.

С фарфоровой чашкой в руке он подошел к своему алтарю – огромному монолитному столу из темного дуба, обращенному к панорамному окну. На двух сорокадюймовых мониторах, словно порталы в упорядоченную вселенную, застыли чертежи. Многофункциональный комплекс «Вектор». Его *opus magnum*. Сотни слоев, тысячи линий, узлов, спецификаций. Для постороннего – непроницаемый хаос. Для него – кристально чистая, безупречная логика. Он видел не просто стены и перекрытия; он видел потоки воздуха, инсоляцию, розу ветров, логистику человеческих перемещений. Он прописывал логику бытия для тех, кто будет здесь жить и работать. Он мог часами двигать внутреннюю перегородку на три сантиметра, меняя не эстетику, а внутреннюю гармонию пространства, незаметную для будущего обитателя, но очевидную для него, как для создателя. Это было его истинное призвание: не создавать красоту, а наводить порядок. Борьба с хаосом.

Он сделал глоток кофе, и его взгляд скользнул за окно. Город просыпался. Оранжевое солнце лениво пробивалось сквозь утреннюю дымку, превращая хаотичное движение машин на мосту внизу в пульсирующие световые потоки. Но Кирилл не видел в этом поэзии. Он видел транспортную схему, пересечение векторов, часы пиковой нагрузки. Его мир состоял из линий, плоскостей и объемов. Эмоции были лишним, иррациональным измерением, погрешностью в расчетах, вирусом, который он давно научился изолировать в карантинной зоне своего сознания.

В этот самый момент, глядя на город, он почувствовал это. Микроскопический сбой в коде. Секундная абберрация, которую невозможно было измерить или классифицировать. Что-то похожее на внезапное падение давления в герметичной системе. Ощущение не просто тишины, а вакуума за стеклом и внутри. Он тут же отсек его, приписав легкому недосыпу или погрешности в питании. Аномалия. Система стабильна. Он был идеальным архитектором не только на работе. Он спроектировал всю свою жизнь как безупречное, функциональное здание с холодным, выверенным фасадом. А то, что внутри царила не просто тишина, а оглушающая, безвоздушная пустота, было его главной конструктивной тайной. Это был не изъян. Это был порядок. Чистота. Абсолютный ноль.

Вечер не наступал, он инсталлировался, как программное обновление. Солнце, завершив свою дневную траекторию, скрылось за горизонтом, и город включил вторую, ночную операционную систему. Хаотичные потоки машин превратились в упорядоченные реки расплавленного золота и рубинов. Небо из бледно-голубого стало глубоким, бархатно-синим, а затем и вовсе угольно-черным, на котором зажглись огни – не звезды, но их рукотворные, более надежные аналоги. Кирилл завершил рабочий протокол ровно в 19:00. Он не просто закрыл программы; он последовательно сохранил все изменения, запустил скрипт резервного копирования на облачный сервер, а затем выполнил команду очистки кэша и временных файлов. Его цифровое пространство должно было оставаться таким же стерильным, как и физическое. Он встал из-за стола, сделал несколько упражнений на растяжку шейных позвонков – тех самых, что были прописаны в его плане физической активности, – и перевел взгляд на кухонный остров. Время ужина. Сегодня в расписании значились приготовленный на пару сибас и киноа с брокколи. Все ингредиенты были отмерены и расфасованы еще в воскресенье. Эффективность требовала планирования.

В 19:45, когда он споласкивал тарелку, раздался тихий щелчок. Звук ключа в замке его двери. Это была Алена. Ее приход был внесен в его календарь – вторник, четверг, суббота. Это был согласованный, авторизованный доступ. Но каждый раз, когда она пересекала его порог,

Кирилл ощущал едва заметное возмущение в идеально отлаженной атмосфере своей квартиры. Она была переменной, которую он не мог до конца просчитать.

Алена вошла, и мир за ней ворвался в стерильный лофт. Не физически, нет. Она всегда была аккуратна. Но она приносила с собой ауру внешнего мира – запахи улицы, отголоски чужих разговоров, напряжение офисного дня. Она была живой, а потому – непредсказуемой. Сегодня она выглядела особенно... разрегулированной. Плечи, обычно прямые, были едва заметно опущены. Легкое пальто она не повесила на вешалку в скрытом шкафу, а оставила на спинке стула – минорное нарушение протокола. Сумка не была поставлена на пол, а скорее упала, издав глухой, усталый звук.

«Привет», – сказала она. Голос был тихим, в нем отсутствовали привычные высокие частоты.

«Привет», – ответил Кирилл, заканчивая протирать до блеска хромированный кран. Он повернулся к ней. Его мозг, натренированный на поиск асимметрии и дефектов, мгновенно просканировал ее состояние. Он отметил темные круги под глазами (недостаток сна, ориентировочно 7-10%), бледность кожных покровов (возможно, дефицит железа или витамина D), напряженную складку между бровями (следствие длительной концентрации или стресса). Его анализ был точным, клиническим и совершенно бесполезным. «Тяжелый день?» – спросил он. Это был стандартный запрос для инициации диалога.

«Просто... день», – выдохнула она, и в этом простом слове содержался целый том непрочитанных им отчетов. Она работала в PR-агентстве, мире дедлайнов, капризных клиентов и постоянно меняющихся вводных. Для Кирилла ее работа была воплощением профессионального ада, царством чистого хаоса, лишённого всякой логики и структуры. Он не понимал, как можно существовать в такой среде. «Один клиент три раза менял концепцию пресс-релиза. Три. Раза. После того, как мы его уже согласовали».

«Неэффективное управление проектом, – констатировал Кирилл, вынося свой вердикт. – Необходимо было на начальном этапе зафиксировать ключевые требования в техническом задании и утвердить их с возможностью внесения не более одной итерации правок».

Алена посмотрела на него долгим взглядом. В ее глазах на секунду мелькнуло что-то похожее на боль, но тут же погасло, сменившись безграничной усталостью. «Да, – тихо сказала она. – Техническое задание. Конечно». Она подошла и обняла его. Ее тело было напряжено. Кирилл неуклюже похлопал ее по спине, как делал это, когда нужно было выразить участие. Его сенсоры регистрировали тепло ее тела, запах ее волос, легкую дрожь, но система не могла обработать эти данные, перевести их в понятную ему категорию. Для него это был просто тактильный контакт, предусмотренный социальным интерфейсом.

«У меня для тебя кое-что есть», – сказал он, отстраняясь. Ему нужна была дистанция, чтобы восстановить контроль над пространством. Он подошел к комоду, единственному предмету мебели из темного дерева, и выдвинул верхний ящик. Внутри, в специальном ложементе из серого бархата, лежала черная матовая коробочка. Идеальный куб. Никаких лент, никаких бантов. Сама форма была украшением. Он взял ее двумя руками, ощущая приятную тяжесть, и протянул Алене.

Она приняла коробочку с легким удивлением. «По какому поводу?»

«Без повода. Я увидел его и подумал, что он соответствует твоей эстетике». Ложь. Он не думал о ее эстетике. Он увидел объект, который показался ему конструктивно совершенным, и решил, что владение таким объектом доставит ей то же рациональное удовольствие, что и ему.

Алена провела пальцем по острой грани куба. Медленно, почти нехотя, она сняла крышку. Внутри, на черном фоне, лежал браслет. Это не было ювелирное изделие в классическом понимании. Это был архитектурный объект в миниатюре. Тонкая, жесткая дуга из матового черного титана, пересеченная по центру идеально отполированным диском из цельного

обсидиана. Никаких камней, никаких узоров. Чистая геометрия. Застежка была скрытым магнитным замком, который срабатывал с сухим, точным щелчком.

«Это...», – начала она, и ее голос дрогнул.

«Это новый датский дизайнер, – пояснил Кирилл, входя в режим презентации. – Он работает на стыке минимализма и брутализма. Титан обеспечивает легкость и прочность, а обсидиан – это вулканическое стекло, идеальная природная форма. Обрати внимание на соединительный узел, он фрезерован из цельного куска, никаких швов. Безупречная работа».

Алена молчала, глядя на холодный, темный объект в коробке. Затем она медленно подняла на него глаза. Она не улыбалась. Ее взгляд был абсолютно прозрачным, и в этой прозрачности Кирилл на мгновение увидел отражение своего собственного стерильного мира, своей пустоты. Это ощущение длилось долю секунды и тут же было классифицировано как аномалия.

«Спасибо, Кирилл», – сказала она наконец. Ее голос был ровным и тихим, как гладь воды в безветренный день. Она достала браслет и защелкнула его на своем запястье. Он выглядел чужеродно на ее теплой коже. Как красивый, высокотехнологичный датчик. Или бирка. «Он... очень современный».

«Я рад, что тебе понравилось», – сказал Кирилл, регистрируя ее слова благодарности. Задача «вручить подарок» была выполнена успешно. Результат «положительный» был зафиксирован. Он не заметил, как она, говоря это, отвела взгляд. Не заметил, как ее пальцы другой руки сжались в кулак. Он видел лишь внешнюю оболочку событий, считывал формальные ответы, не имея программного обеспечения для анализа того, что скрывалось за ними. Он стоял в центре своего идеального, упорядоченного мира, в метре от самой большой переменной в своей жизни, и чувствовал лишь одно – удовлетворение от хорошо выполненной операции. А тяжелая, густая тишина, заполнившая пространство между ними, была для него лишь фоновым шумом. Нормой. Порядком.

Пространство для переговоров было спроектировано кем-то, кто понимал язык власти. Переговорная комната на сорок втором этаже башни «Федерация» была сама по себе аргументом. Она не кричала о богатстве, она транслировала его как фоновое излучение. Огромный овальный стол из цельного слэба редкого темного гранита, отполированного до такой степени, что в нем, как в черном озере, отражались безликие силуэты и холодный свет потолочных панелей. Стены из тонированного стекла открывали панораму города, который с этой высоты казался не живым организмом, а идеально выполненным макетом. Воздух был стерильным, прохладным и неподвижным, его температура поддерживалась с точностью до половины градуса. Кирилл чувствовал себя здесь не гостем, а системным администратором, получившим временный доступ к центральному серверу. Он одобрял это место. Оно было логичным.

Напротив него сидели представители «Стратос-Капитал», заказчики проекта «Вектор». Их было трое, и для Кирилла они представляли собой классическую триаду принятия решений. Справа – Воронов, Семен Григорьевич. Человек старой закалки, переживший три экономических кризиса и сохранивший не только активы, но и глубинное недоверие ко всему, что нельзя было измерить в тоннах или кубометрах. Его массивное тело, облаченное в консервативный костюм, казалось выросшим в кресло. Он молчал, и его молчание было плотнее и весомее, чем слова других. Он был «физиком», центром масс.

Слева – Левин, Игорь. Моложе на поколение, продукт эпохи MBA и TED Talks. Худой, энергичный, в дорогом костюме без галстука. Он отвечал за идеологию, за «вижн», за то, как проект будет выглядеть в глянцевых журналах. Он говорил о синергии, экосистемах и новом пользовательском опыте. Для Кирилла он был «лириком», отвечающим за графический интерфейс системы.

Между ними, словно буферный элемент, сидел юрист – безликий мужчина с папкой и выражением вечной озабоченности на лице. Он был брендмауэром, его функция – находить уязвимости.

Кирилл был в своей стихии. Это была не коммуникация, а сражение двух систем. Их система была построена на интуиции, опыте и размытых формулировках. Его – на чистых данных. Он не презентовал. Он вскрывал их возражения, как хирург вскрывает грудную клетку – точно, холодно, без единого лишнего движения. Его планшет был его скальпелем. Одним движением пальца он выводил на огромный экран трехмерную модель здания, вращал ее, показывая инсоляцию в разное время суток. Другим – открывал детализированную смету, где стоимость каждого квадратного метра композитных панелей была обоснована сравнительным анализом предложений от восьми поставщиков.

«Мы видим, – начал Левин, жестикулируя так, словно дирижировал невидимым оркестром, – что общая концепция... она впечатляет. Это смело. Но нас беспокоит, что эта смелость может вылиться в дополнительные расходы. Стекло. Так много стекла. Это и вопросы безопасности, и теплопотери...»

Кирилл позволил ему закончить. Он сделал паузу, давая иррациональным страхам клиента повиснуть в кондиционированном воздухе. Затем он коснулся планшета. 3D-модель сменилась тепловой картой здания.

«Вы говорите о теплопотерях, Игорь. Посмотрим на цифры, а не на ощущения. – Его голос был ровным, лишенным эмоций, как у диктора, зачитывающего биржевую сводку. – Стекло, которое мы используем, – это триплекс с аргоновым заполнением и низкоэмиссионным покрытием. Коэффициент теплопередачи – ноль целых шесть десятых ватта на метр-квадрат-кельвин. Для сравнения, стандартная кирпичная кладка в сорок сантиметров, которую вы считаете "надежной", имеет коэффициент около нуля целых восьми десятых. То есть моя стеклянная стена на двадцать пять процентов "теплее" вашей кирпичной. Вот расчеты по энергоэффективности на отопительный сезон. Экономия на отоплении за первые пять лет эксплуатации полностью окупает разницу в стоимости материалов. Это не расходы. Это инвестиция».

Левин моргнул, его поток красноречия иссяк, столкнувшись с плотиной из цифр. Он посмотрел на Воронова. Старик до этого момента не проронил ни слова, лишь буравил Кирилла тяжелым взглядом. Теперь он заговорил. Его голос был низким, с легкой хрипотцой.

«Инвестиции – это хорошо, – прогудел он. – Но я вижу другую проблему. Фундамент. Вы предлагаете плитный фундамент с использованием самоуплотняющегося бетона марки В60. Это дорого. Мои инженеры говорят, что для данного типа грунта достаточно ленточного фундамента на марке В45. Это экономия в... – он заглянул в свои бумаги, – почти в восемь процентов от стоимости нулевого цикла».

Это был главный удар. Аргумент от «старой школы», апелляция к опыту и экономии. Левин и юрист напряглись.

Кирилл снова сделал паузу. Он не полез в планшет. Он посмотрел прямо на Воронова.

«Семен Григорьевич, ваши инженеры правы. Ленточный фундамент на В45 будет достаточен. Он выдержит расчетную нагрузку. Слово "достаточен" – ключевое. Он будет работать на пределе допуска. Теперь позвольте объяснить, почему ваше "достаточно" обойдется вам дороже моего "избыточно". – Он снова коснулся экрана, и на нем появился график. – Вот отчет геологических изысканий, который мы заказывали дополнительно. Не стандартный, а углубленный. На глубине двадцати метров залегает пласт водонасыщенного суглинка. Ваши инженеры его не учли, потому что стандартное бурение идет до пятнадцати. Это означает, что через семь-десять лет, после нескольких циклов заморозки-разморозки, возможна неравномерная просадка грунта. На ленточном фундаменте это даст микротрещины по фасаду. Их ремонт, который ляжет на вашу управляющую компанию, в течение трех лет съест всю вашу восьми-процентную экономию. Мой плитный фундамент из В60 распределит нагрузку абсолютно равномерно и нивелирует любую возможную просадку. Я продаю вам не просто здание. Я продаю вам нулевые эксплуатационные расходы на капитальный ремонт фундамента в течение пяти-

десяти лет. Вы экономите не восемь процентов сейчас, вы теряете сто пятьдесят процентов в перспективе десяти лет».

В комнате повисла тишина. Это была уже не тишина напряжения. Это была тишина капитуляции. Юрист медленно закрыл свою папку. Левин смотрел на Кирилла с плохо скрываемым восхищением. Воронов долго молчал, глядя на график, потом перевел взгляд на Кирилла, и в его глазах появилось нечто, похожее на уважение. Он медленно, почти нехотя, кивнул.

Кирилл почувствовал холодное, чистое удовлетворение. Не радость, не триумф. А именно удовлетворение, какое испытывает математик, когда длинное и сложное уравнение наконец сходится, и в конце строки появляется элегантный, безупречный ноль. Система приведена в равновесие. Его логика победила их эмоции. Он был в абсолютном контроле. Он был неуязвим.

Именно в этот момент абсолютного, кристаллизованного контроля, когда его логика, словно ледокол, взломала лед чужих сомнений, его телефон завибрировал. Это был короткий, настойчивый тактильный импульс в боковом кармане пиджака. Кирилл никогда не ставил звук на совещаниях, но вибрацию оставлял – как канал для получения критически важных данных, не более. Он проигнорировал первый импульс. Это было частью его протокола – никогда не показывать, что внешний мир может быть важнее того, что происходит здесь и сейчас. Это была демонстрация полного погружения, еще один инструмент контроля.

Воронов начал что-то говорить юристу насчет внесения правок в договор, и Кирилл, сохраняя на лице выражение внимательного участия, позволил себе бросить взгляд на экран часов. "Мама". Это было странно. Его мать звонила ему строго по расписанию: по средам, в 20:00. Сегодня был вторник. Любое отклонение от установленного паттерна регистрировалось его сознанием как системная ошибка. Тем не менее, он сбросил вызов незаметным нажатием кнопки на часах. Это не было критическим каналом. Это был фоновый шум.

Он снова сфокусировался на разговоре, вставляя точные, юридически выверенные формулировки, которые должен был использовать юрист, но почему-то не использовал. Он чувствовал, как нити управления полностью переходят в его руки. Они уже не просто соглашались, они ждали от него инструкций. И в этот момент телефон завибрировал снова. Та же настойчивость, та же срочность. Это было уже не просто отклонение от нормы. Это было нарушение протокола с ее стороны. Раздражение, холодное и острое, как игла, укололо его. Он снова сбросил вызов, на этот раз с чуть большим усилием.

"Итак, мы фиксируем, что все предложенные технические решения принимаются в полном объеме, – Кирилл подводил итог, его голос был спокоен и монотонен. – Протокол встречи будет у вас на почте в течение часа".

Он уже собирался встать, когда телефон в кармане завибрировал в третий раз. Но на этот раз иначе. Непрерывно. Длинный, отчаянный, дребезжащий гул. Так ведут себя системы, когда происходит критический сбой. Когда все предупреждения проигнорированы и система переходит в аварийный режим. Этот звук пробил его броню из самоконтроля. Все в комнате услышали его. Разговор оборвался. Воронов, Левин, юрист – все посмотрели на него. Идеальная конструкция его авторитета дала микротрещину. Он, проповедник тотального контроля, оказался во власти жужжащего в кармане устройства.

"Прошу прощения", – сказал он, и впервые за всю встречу его голос прозвучал не как у машины, а как у человека. Он достал телефон. На экране горело все то же слово "Мама". Что-то внутри него, древний, почти атрофированный инстинкт, подсказал ему, что это не тот звонок, который можно сбросить. Он встал, отошел к тонированному стеклу, отворачиваясь от стола. Этот жест – поворот спиной – был для него равносителен публичному признанию поражения.

"Слушаю", – ответил он. Его голос был холодным, стальным, но в эту сталь уже проникла ржавчина раздражения.

Он ожидал услышать что угодно: бытовую проблему, жалобу на здоровье, нелепый вопрос. Но он не был готов к тому, что услышал. Это был не голос его матери. Это был хаос. Смесь рыданий, всхлипов и обрывков слов, из которых его мозг, привыкший вычленять суть из информационного шума, не сразу смог собрать цельную картину. Он слышал отдельные лексемы: "...скорая... не смогли... Кирилл...".

"Мама, говори внятнее, – приказал он, все еще по инерции пытаясь навести порядок. – Что случилось? Давление?"

И тогда сквозь рыдания прорвалась фраза. Всего три слова. Четкие, ясные и абсолютно необратимые. Как приговор. Как финальный титр.

"Папы больше нет".

Мир не рухнул. Не было ни вспышки перед глазами, ни оглушающей тишины, описанной в книгах. Ничего. Абсолютно ничего. Его мозг воспринял эту информацию так же, как воспринял бы новость о закрытии одного из поставщиков или о банкротстве субподрядчика. Это был факт. Входящие данные. Он зафиксировал их. Но система не выдала никакой эмоциональной реакции. Ни страха. Ни горя. Ни шока. Он смотрел сквозь стекло на игрушечный город внизу, на снующие по дорогам машины, и единственная мысль, которая оформилась в его сознании, была до ужаса рациональной и чудовищной в своей обыденности.

"Понял", – сказал он в трубку. Идеально ровным, спокойным голосом. Голосом, которым он пять минут назад обсуждал марку бетона. "Какие наши первые шаги? Морг? Документы? Ты одна?"

На том конце провода рыдания на секунду прекратились, сменившись шокированным молчанием. Затем мать закричала, и в этом крике было не только горе, но и ужас от его спокойствия. Кирилл не слушал. Он уже переключился в режим кризисного менеджмента. В его голове мгновенно начал выстраиваться алгоритм действий, список задач, дорожная карта проекта под названием "Похороны". Он был эффективен. Он был в контроле.

Он закончил разговор, пообещав приехать через час. Медленно повернулся к столу. Трое мужчин смотрели на него с растерянным сочувствием. Они ожидали увидеть драму, сломленного человека. А видели все того же архитектора – собранного, холодного, с непроницаемым лицом.

"Прошу меня извинить, – сказал он, и его голос не дрогнул. – Возникли непредвиденные семейные обстоятельства. Я вынужден вас покинуть".

Он подошел к столу, забрал свой планшет, кивнул и направился к выходу, ступая так же ровно и уверенно, как и час назад. Он не чувствовал ни горя, ни потери. Он чувствовал только одно – ледяной, всепроникающий ужас. Ужас от того, что он ничего не чувствует. Его система не просто дала сбой. Она оказалась пустой. Внутри не было ничего, что могло бы сломаться.

Разбитое зеркало

Лифт, в котором он спускался с сорок второго этажа, был бесшумной капсулой, перемещающей его из упорядоченной стратосферы чистого разума на хаотичный, непредсказуемый уровень земли. За двадцать секунд спуска мир Кирилла не перевернулся, он был заархивирован. Новость о смерти отца не была трагедией, которая требовала осмысления; она была входящим файлом с грифом «Срочно», который распаковался в его сознании в виде четкого дерева задач. Проект «Похороны». Он уже видел его в своей голове: не как череду мучительных ритуалов, а как диаграмму Ганта. Задача 1: Стабилизация материнского объекта. Задача 2: Взаимодействие с государственными и медицинскими структурами. Задача 3: Выбор и трактовка ритуального агентства. Задача 4: Логистика и организация церемонии. У каждой задачи были подпункты, сроки исполнения и потенциальные риски. Горе было неэффективной переменной, которую следовало минимизировать, чтобы не сорвать дедлайны.

Он шел через гулкий, отделанный мрамором холл небоскреба, и люди, спешащие мимо, казались ему фоновыми объектами, неигровыми персонажами. Никто не мог видеть, что внутри него только что был развернут масштабный и сложный проект. Он сел за руль своего автомобиля – черного, идеально чистого седана, пахнущего кожей и озоном. Навигатор безэмоциональным женским голосом прокладывал маршрут к дому его родителей – в тот старый район с типовыми девятиэтажками, который он покинул много лет назад и который считал архитектурной ошибкой, символом эпохи компромиссов.

Пока машина плыла в потоке, город за окном превратился в набор данных. Кирилл не смотрел на здания, он видел их конструктивные схемы. Он не видел людей, он видел пешеходные потоки. Его мозг, отказавшись обрабатывать эмоциональную составляющую произошедшего, с удвоенной силой вцепился в то, что умел: в анализ и структурирование. Он мысленно составлял список документов: паспорт отца, свидетельство о рождении, СНИЛС, медицинский полис. Где они хранятся? В ящике отцовского стола, в зеленой папке. Он помнил это с абсолютной точностью. Он открыл на телефоне приложение для записок и начал составлять список контактов, которых необходимо будет оповестить. Родственники. Коллеги отца с его старой работы. Соседи. Каждое внесенное в список имя было для него не живым человеком, а узлом в коммуникационной сети, который нужно было активировать в определенное время.

Квартира родителей встретила его запахом. Смесь корвалола, пыли и чего-то еще – сладковатого, тяжелого запаха остановившейся жизни. Этот запах был нарушением всех санитарных норм его собственного мира. В прихожей было темно и тесно от вещей, которых, по его мнению, здесь быть не должно: старые пальто, стопки газет, зонт-трость, который не использовали уже лет десять. Весь этот бытовой шум вызывал у него глухое раздражение.

Мать он нашел на кухне. Она сидела на низкой табуретке, сгорбившись, маленькая и потерянная. Она была не просто расстроена. Она была разрушена. Ее лицо, которое он привык видеть всегда подтянутым и контролирующим, превратилось в опухшую, серую маску. Халат был надет криво, седые волосы спутаны. Она не плакала. Она смотрела в одну точку, на старую эмалированную раковину с подтеками ржавчины. Хаос ее горя был настолько тотальным, что пугал его больше, чем сам факт смерти. Это была система, вышедшая из-под контроля.

«Мама», – сказал он. Не мягко, не сочувственно. А так, как говорят, когда хотят привлечь внимание вышедшего из строя механизма.

Она медленно подняла на него глаза. В ее взгляде не было узнавания, только тупая, всепоглощающая боль. Потом ее лицо исказилось, и она снова начала плакать – беззвучно, страшно, сотрясаясь всем телом.

Кирилл не подошел, не обнял ее. Любой физический контакт с этим хаосом казался ему опасным, как прикосновение к оголенному проводу. Он сделал то, что умел. Он внес в ситу-

ацию структуру. Он положил свой планшет на кухонный стол, отодвинув в сторону чашку с недопитым остывшим чаем, и вывел на экран свой список.

«Нам нужно действовать, – его голос звучал в этой пропитанной горем кухне неестественно ровно и деловито. – Первое: мне нужны документы отца. Паспорт, полис. Второе: нужно позвонить в службу ритуальных услуг. Я уже проанализировал рынок, есть три агентства с оптимальным соотношением цены и набора услуг. Я склоняюсь к "Долгу", у них самые высокие оценки по клиентскому сервису. Третье: нужно составить список для оповещения...»

Мать перестала плакать и уставилась на него. Ее взгляд медленно сфокусировался, и боль в нем сменилась недоумением, а затем – ужасом.

«Что ты говоришь, Кирюша?» – прошептала она. Ее голос был хриплым и надломленным, словно старая, пересохшая струна. Это было не просто недоумение. Это был вопрос, заданный существу из другого мира, говорящему на непонятном, мертвом языке.

«Я говорю, что нам нужно все организовать», – повторил Кирилл, намеренно игнорируя эмоциональный подтекст ее вопроса. Он воспринял его как запрос на уточнение данных. «Сейчас нельзя раскисать. Нужно быть эффективными. Я уже создал онлайн-таблицу для учета расходов, я дам тебе доступ».

Он говорил, и с каждым его словом, с каждой рациональной, выверенной фразой, пропасть между ним и матерью становилась все шире и глубже. Он стоял на своем берегу, на твердой почве логики и планов, а она – на противоположном, который медленно осыпался в темную воду хаотичного, иррационального горя. Она смотрела на него так, как смотрела бы на робота, который пришел починить сломанный телевизор и вдруг начал зачитывать инструкцию по эксплуатации, когда дом вокруг горит.

«Кирилл... – она снова попыталась, ее рука слабо поднялась, словно хотела коснуться его, но тут же упала на клеенчатую скатерть. – Твой отец... он умер. Умер, ты понимаешь?»

«Я понимаю, – ответил он, и в его голосе не было ни капли лжи. Он действительно понимал. Он понял факт. Он обработал информацию. – Именно поэтому нам нужно решить ряд неотложных задач. Тело в городском морге на улице Вавилова. Нам нужно получить медицинское свидетельство о смерти. Я могу поехать прямо сейчас. Ты помнишь, где лежит его паспорт?»

Его спокойствие, его деловитость были не защитой. Они были его сутью. В этот момент он не играл роль эффективного менеджера. Он им был. Это была единственная операционная система, доступная ему в условиях критической ошибки. Любая другая программа – сочувствие, утешение, разделенное горе – отсутствовала в его реестре. Он видел перед собой не раздавленную горем мать, а некомпетентного партнера по проекту, который поддавался панике и срывал сроки. И это вызывало в нем не сострадание, а глухое, профессиональное раздражение.

Внезапно она встала. Ее маленькое, сгорбленное тело выпрямилось, и в ее заплаканных, опухших глазах вспыхнул огонь. Это была ярость. Последний, отчаянный всплеск энергии перед полным коллапсом.

«Уйди, – прошипела она, и в этом шипении было больше силы, чем во всех ее рыданиях. – Уйди отсюда со своими списками. Просто уйди».

Кирилл замер. Это было непредвиденное развитие событий. В его плане не было пункта «Удаление ключевого стейкхолдера с проекта». Он попытался применить логику. «Мама, твое эмоциональное состояние понятно, но оно контрпродуктивно. Нам нужно работать вместе».

«Уйди! – крикнула она, и стаканы в старом серванте тихо звякнули. – Я не хочу тебя видеть! Я хочу побыть одна! С ним! Уходи!»

Она отвернулась от него, снова ссутулилась и уставилась в стену. Она выстроила между ними стену из своего горя, и эта стена была куда прочнее и реальнее всех тех, что он проектировал в своей жизни. Кирилл постоял еще мгновение, глядя на ее трясущуюся спину. Он не чувствовал себя обиженным или отвергнутым. Он чувствовал, что столкнулся с иррациональ-

ной силой, с багом в системе, который он не мог исправить. Он классифицировал ее реакцию как «острый стрессовый аффект» и решил, что оптимальной стратегией будет временно изолировать нестабильный элемент.

«Хорошо, – ровным голосом сказал он. – Я понимаю. Я вернусь через три часа с документами из морга. Постарайся отдохнуть».

Он развернулся и вышел из кухни, забрав свой планшет. Он не обернулся. Проходя через прихожую, он машинально поправил криво висящий на вешалке шарф. Даже уходя, он пытался навести порядок.

Уже на улице, в стерильном пространстве своего автомобиля, он на секунду замер, положив руки на руль. Тишина в салоне была оглушительной. Он выполнил первую задачу своего плана: прибыл, оценил обстановку. Но вместо стабилизации объекта он добился его полного отторжения. Система дала сбой. Он посмотрел на свои руки. Они не дрожали. Пульс был в норме. 72 удара в минуту. Он был спокоен. Абсолютно спокоен. И это было самое страшное. Он был идеальным, безупречным, отлаженным механизмом, который привезли на место катастрофы, чтобы разбирать завалы. Но никто не объяснил ему, что под этими завалами – его собственная жизнь.

Дни, следовавшие за этим, слились для Кириллы в один длинный, монотонный трек в его проектном планере. Он двигался по списку задач с холодной, неумолимой эффективностью. Он выбрал и оплатил гроб – модель "Классик-3", дубовый шпон, латунная фурнитура, строгое геометрическое исполнение без излишней орнаментации. Он утвердил маршрут катафалка, оптимизировав его с учетом утренних пробок. Он согласовал с администрацией кладбища точное местоположение участка, проверив его по кадастровому плану на предмет близости к грунтовым водам. Он лично проконтролировал доставку венков, забрав один из них за асимметричную композицию. Он обзванивал родственников, и его голос, ровный и лишенный эмоций, сообщал факты, даты и время, пресекая любые попытки собеседников втянуть его в вязкую трясику соболезнований и общих воспоминаний. "Спасибо, мы справляемся. Вся информация будет в СМС-рассылке".

Он стал идеальным организатором похорон. Его отстраненная компетентность была настолько безупречной, что вызывала у окружающих смесь восхищения и подсознательного ужаса. Он был скалой, о которую разбивались волны чужого горя. Он поддерживал под руку плачущую мать, но его прикосновение было не утешением, а физической стабилизацией объекта. Он принимал соболезнования, кивая в нужных местах и произнося стандартные, программные ответы: "Спасибо за теплые слова", "Он был бы рад вас видеть". Каждое такое взаимодействие было для него транзакцией, обменом социальными кодами, который он производил с точностью банковского терминала.

И вот наступил финал проекта. Прощальный зал в крематории. Пространство было спроектировано так, чтобы вызывать стандартизированную скорбь: высокие потолки, приглушенный, постановочный свет, тяжелые бархатные драпировки, поглощающие звук. Воздух был статичным, густым от запаха ладана и увядающих цветов – лилий и гвоздик. Этот запах был для Кириллы еще одним пунктом в спецификации, утвержденным компонентом ритуала. Люди в черном текли медленным, вязким потоком. Он стоял у гроба рядом с матерью, прямой как струна, с идеально непроницаемым лицом. Он был не сыном, он был распорядителем церемонии.

Он смотрел на лица людей. На искаженную гримасой плача физиономию своей тетки. На растерянное, постаревшее лицо лучшего друга отца. На коллег с его бывшей работы, с их набором дежурных, скорбных выражений. Он регистрировал их эмоции как данные. Он видел покрасневшие глаза, мокрые платки, сжатые губы. Он анализировал эти проявления, каталогизировал их, но не мог воспроизвести. Он был как инопланетный зонд, скрупулезно изучающий ритуалы незнакомой цивилизации, но абсолютно чуждый их смыслу. Он чувствовал себя

самым одиноким существом во вселенной, отделенным от всех этих плачущих, живых людей невидимой стеной из собственного внутреннего стекла.

Его взгляд скользнул к матери. Она была уже не системой, вышедшей из строя. Она была руиной. Полная системная дезинтеграция. Она смотрела на лицо мужа в гробу, и в ее глазах не было ничего, кроме пустоты, выжженной горем. Она не плакала, слезы кончились. Она просто смотрела, и ее молчание было страшнее любого крика.

Затем настала его очередь прощаться. Этого требовал сценарий. Он медленно обошел гроб, ощущая на себе десятки взглядов. Все ждали от него реакции. Он был главным действующим лицом в этой последней сцене. Он заставил себя посмотреть на отца.

То, что он увидел, не было его отцом. Это была восковая, некачественно выполненная копия. Неверно застывшая маска, на которой гример постарался изобразить умиротворение, но добился лишь эффекта нарушенной симметрии. Кожа имела желтоватый, неживой оттенок. Губы были плотно сжаты, словно отец был чем-то недоволен даже сейчас. Кирилл смотрел на это лицо и пытался что-то почувствовать. Он приказал себе. Он запустил в своей голове поисковый запрос по ключевому слову "отец". Система начала сканировать файлы памяти. Но вместо тепла, вместо объятий или смеха, вместо образа любящего родителя, на экран его внутреннего монитора выводились лишь отчеты. Вот отец кивает, просматривая его школьный дневник с одними пятерками. Вот он жмет ему руку после победы на городской олимпиаде по физике со словами: "Не подвел". Вот он одобряет его выбор технического вуза: "Правильное, перспективное решение". Вся его память об отце состояла из протоколов о соответствии. Он был не сыном, он был его самым успешным проектом. И теперь проект пришел на списание своего создателя.

Он смотрел на это чужое, восковое лицо, и его мозг продолжал отдавать команды. "Плачь. Это твой отец. Он мертв. Это навсегда. Это конец. Эмоциональная реакция обязательна. Протокол требует слез". Он даже попытался физически запустить процесс: напряг мышцы лица, попытался сымитировать спазм в горле. Ничего. Система не отвечала на запросы. Внутри была только гулкая, ледяная тишина. ERROR 404: Emotion Not Found.

И в этот момент его накрыл подлинный, экзистенциальный ужас. Не от вида мертвого тела. А от осознания своей собственной мертвости. Он понял, что смотрит в гроб не сын. Смотрит механизм. Идеально собранный, безупречно функционирующий, но абсолютно пустой внутри. Он понял, что в этом зале было два покойника. Один – в дубовом ящике, его тело перестало функционировать. Второй – стоял рядом, в дорогом черном костюме. И его душа, если она когда-либо и была, умерла так давно, что он даже не заметил момента ее смерти.

Прошла неделя. Семь полных циклов по двадцать четыре часа. Проект «Похороны» был официально закрыт. Все счета оплачены, благодарности разосланы, ритуальная атрибутика утилизирована. Мир должен был вернуться в свое прежнее, упорядоченное состояние. Кирилл вернулся в свой стерильный лофт, который после пропахшей корвалолом и увяданием квартиры родителей казался ему барокамерой, очищающей легкие. Он провел генеральную уборку, стирая последние молекулы чужого горя со всех поверхностей. Он снова начал свой день с выверенного ритуала приготовления кофе, снова сел за свой рабочий стол. Но что-то было непоправимо сломано.

Чертежи «Вектора» на мониторах, которые раньше были для него воплощением чистого разума, теперь выглядели как бессмысленный набор линий. Он смотрел на идеальную геометрию здания и видел в ней лишь пустоту, облеченную в стекло и бетон. Его работа, его убежище, его религия – все это вдруг потеряло смысл. Он пытался заставить себя работать, погрузиться в расчеты, но его мозг, этот безупречный калькулятор, отказывался выполнять команды. Первые в жизни он столкнулся с тотальной, всепоглощающей апатией. Это было не просто отсутствие мотивации. Это было исчезновение самой операционной системы, в которой существовало понятие «мотивация».

Он сидел часами, глядя на застывший на экране чертеж, и тишина в квартире давила на него. Раньше эта тишина была для него синонимом порядка. Теперь она стала синонимом вакуума. Он начал слышать ее. Она гудела на низкой частоте, закладывая уши. Это была тишина космоса, в котором одиноко дрейфует вышедший из строя спутник.

Алена. Она появлялась и исчезала, согласно своему расписанию – вторник, четверг, суббота. Она пыталась пробиться сквозь его новую, еще более плотную и непроницаемую оболочку. Она приносила еду, которую он почти не ел. Она пыталась говорить с ним. Ее вопросы были мягкими, осторожными, как будто она пыталась наладить контакт с жертвой катастрофы, страдающей от контузии. «Как ты?», «Может, хочешь о чем-то поговорить?», «Я могу что-нибудь для тебя сделать?».

Кирилл отвечал на ее вопросы односложно, не отрывая взгляда от монитора. «Нормально». «Не о чем». «Ничего не нужно». Он не был груб. Он был... отключен. Он регистрировал ее присутствие, ее слова, но они не достигали его центрального процессора. Они оставались во входящих, непрочитанные. Он видел, как ее лицо с каждым таким визитом становилось все более напряженным. Он видел, как гаснет надежда в ее глазах, сменяясь сначала растерянностью, а потом – тихой, мучительной болью. Он видел это, но не мог отреагировать. Он был заперт внутри себя, в стеклянном кубе своего паралича.

В один из таких вечеров, это был вторник, она пришла и не стала ничего спрашивать. Она не принесла еды. В руках у нее была только ее собственная сумка, которая выглядела больше и тяжелее обычного. Она молча постояла в прихожей, глядя, как он сидит за столом спиной к ней, словно вросший в свое кресло. Тишина в квартире была такой плотной, что, казалось, ее можно было потрогать.

«Кирилл», – сказала она наконец. Ее голос прозвучал в этой тишине неестественно громко, как звук разбитого стекла.

Он нехотя повернулся. Она стояла у входа, и свет из прихожей очерчивал ее силуэт, делая ее похожей на вестника, прибывшего с окончательным приговором. Она смотрела на него не с жалостью, не с гневом. Ее взгляд был спокойным, ясным и от этого – особенно страшным. Это был взгляд хирурга, который констатирует, что операция больше не имеет смысла.

«Я ухожу», – сказала она.

Это были не те слова, которые говорят во время ссоры. Это была не угроза, не манипуляция. Это была констатация факта. Такая же холодная и необратимая, как та, что он услышал по телефону неделю назад.

Кирилл молчал. Он ждал продолжения, объяснений, обвинений. Его система требовала данных для анализа.

«И дело не в том, что случилось с твоим отцом, – продолжила она, предугадывая его незаданный вопрос. – Я понимаю, что это горе, и я была готова пройти через это с тобой. Дело в том, чего не случилось. В тебе».

Она сделала несколько шагов вглубь комнаты. Она не повышала голос, говорила ровно, почти бесстрастно, и от этого ее слова обретали вес гранитных плит.

«Я живу с тобой два года. Я сплю в твоей постели, ем за твоим столом, но я тебя не знаю. Я не знаю, что ты любишь на самом деле, кроме порядка. Я не знаю, что тебя смешит. Я не знаю, что тебя злит. Я даже не знаю, что причиняет тебе боль. Я думала, что это твоя сила, твоя сдержанность, твоя броня. Я думала, что под ней есть кто-то, кого ты просто боишься показать».

Она остановилась в нескольких метрах от него.

«Но на похоронах я смотрела на тебя и поняла. Я поняла, что ошиблась. Там нет никакой брони. И под ней никого нет. Там просто... пустота. Идеально спроектированная, выверенная, стерильная пустота. Ты – как твой дом. Дом с идеальным, впечатляющим фасадом, за которым никто не живет. Я не могу больше жить в музее. Я не могу жить в пустоте».

Слова Алены не были ударом. Удар предполагает сопротивление, ответную реакцию, боль. Это было нечто иное. Это было похоже на то, как архитектор, стоя перед своим творением, слышит заключение инженера-конструктора: "Проект нежизнеспособен. Фундамент заложен неверно. Все здание подлежит сносу". Это была не критика. Это была холодная, объективная экспертиза, выносящая окончательный вердикт. Ее слова не вызывали гнева или обиды. Они резонировали с тем глухим, беззвучным гулом, что поселился внутри него после смерти отца. Она просто дала имя тому, что он сам смутно ощущал. Пустота.

Он продолжал молчать, глядя на нее. Его мозг лихорадочно сканировал свои архивы в поисках нужного протокола для этой ситуации. Протокол "Примирение после ссоры"? Не подходит, ссоры не было. Протокол "Утешение партнера"? Неприменимо, она не выглядела нуждающейся в утешении. Она выглядела освобожденной. Все его социальные скрипты, все заученные алгоритмы оказались бесполезны. Он был как шахматный компьютер, противник которого вдруг смахнул все фигуры с доски и заявил, что сама игра не имеет смысла.

«Ты ничего не скажешь?» – спросила она. В ее голосе уже не было жесткости, только тихая, последняя капля надежды. Она давала ему шанс. Шанс опровергнуть ее диагноз. Шанс показать, что за фасадом все-таки что-то есть. Шанс сказать: "Нет, ты не права, я здесь, я чувствую, мне больно".

Он открыл рот. Он хотел сказать что-то. Что-то правильное. Что-то, что могло бы остановить ее, починить эту внезапную поломку в их отлаженной системе. Он мог бы сказать: "Я переживаю стресс. Мне нужно время". Или: "Давай обсудим это конструктивно". Или даже солгать: "Я люблю тебя". Но слова застряли в горле. Любая из этих фраз прозвучала бы фальшиво, как реплика плохого актера. Его система не могла сгенерировать убедительную ложь, потому что для этого требовалось хотя бы смутное понимание того, как должна выглядеть правда. А он ее не знал.

Вместо этого он произнес единственное, что было ему доступно. Холодный, аналитический вопрос. «Твое решение окончательное?»

В этот момент что-то во взгляде Алены окончательно умерло. Последний огонек надежды погас. Она медленно, устало кивнула.

«Да. Оно не сегодняшнее. Я приняла его там, в крематории, когда смотрела, как ты стоишь у гроба своего отца с лицом человека, который сверяет смету. Я просто нашла в себе силы озвучить его только сейчас».

Она развернулась, подошла к скрытому в стене шкафу и открыла его. Внутри, на ее половине, висели несколько платьев, стояли туфли. Ее вещи, которые всегда казались ему незначительным, но терпимым нарушением его монохромной гармонии. Она достала большую дорожную сумку, которую, как он теперь понял, принесла с собой, и начала молча, методично складывать в нее свои вещи.

Кирилл смотрел на это, и его паралич усиливался. Он должен был что-то сделать. Встать, подойти, остановить ее. Так было написано во всех книгах, показано во всех фильмах. Мужчина должен бороться за свою женщину. Но он не чувствовал в себе ни импульса к борьбе, ни самой потребности в ней. Он был наблюдателем. Он смотрел, как демонтируют часть его жизни, с той же отстраненностью, с какой следил бы за сносом временных строительных лесов со своего здания. Это было неизбежно. Это было логично. Ее система оказалась несовместима с его.

Она действовала быстро и эффективно, словно давно отрепетировала это в своей голове. Косметика из ванной. Зарядное устройство от телефона. Книга, забытая на прикроватной тумбочке. Каждый ее жест был точным и окончательным. Наконец, она застегнула молнию на сумке. Она подошла к столу, сняла с запястья тот самый браслет из черного титана и обсидиана и аккуратно положила его на стол рядом с его планшетом. Холодный, совершенный объект вернулся к своему создателю.

«Прощай, Кирилл», – сказала она, не глядя на него.

Она пошла к выходу, ее шаги гулко отдавались в мертвой тишине лофта. Он слышал, как щелкнул замок. Затем еще один. Потом звук закрывающейся двери лифта в коридоре.

И все.

Он остался один. Абсолютно один. В своей идеальной, выверенной, стерильной крепости. Он медленно опустил взгляд на стол. Планшет с чертежами. И рядом – черный браслет, похожий на маленькие, высокотехнологичные кандалы. Его мир не рухнул. Он просто сузился до размеров этой комнаты. И тишина, которая раньше была его союзником, его порядком, его богом, теперь превратилась в его палача. Она больше не гудела. Она кричала. Беззвучно. Пронзительно. И этот крик был криком вакуума, пожирающего самого себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.